

Сергей Луговой
*В твоём сне должно быть
что-то ещё*

Рассказы

Сергей Луговой

**В твоём сне должно быть
что-то ещё. Рассказы**

«Издательские решения»

Луговой С.

В твоём сне должно быть что-то ещё. Рассказы / С. Луговой —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500210-5

В этом сборнике собраны несколько рассказов, написанных в разные годы. В «Холодильнике времени» старый советский «ЗиЛ. Москва» становится необычным телепортом между 2009 и 1967 годом. Если ты знаешь, что сны могут сбываться, хорошо ли ты их запоминаешь, как девушка по имени Алекс из рассказа «В твоём сне должно быть что-то ещё»? Забытая деталь может привести совсем не к тому, чего ты ждёшь. Какие тайны откроют царевичу Петру марийские боги («Можете сегодня не бояться»)? Подробнее в предисловии.

ISBN 978-5-00-500210-5

© Луговой С.
© Издательские решения

Содержание

ЧТО ЭТО ТАКОЕ	6
В ТВОЁМ СНЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЧТО-ТО ЕЩЁ	7
ХОЛОДИЛЬНИК ВРЕМЕНИ	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

В твоём сне должно быть что-то ещё Рассказы

Сергей Луговой

© Сергей Луговой, 2019

ISBN 978-5-0050-0210-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧТО ЭТО ТАКОЕ (попытка автора описать содержимое)

Свой первый рассказ я написал около десяти лет назад. До этого приходилось сочинять газетные и журнальные статьи, тексты для телевизионных сюжетов и сценарии телевизионных программ. Время от времени появлялись попытки придумать какой-то литературный текст, даже появлялся сюжет. Но потом всё не нравилось, казалось ужасным и заканчивалось не начавшись. Пока...

Десять лет назад на глаза попало сообщение о проведении конкурса имени Ильи Варшавского «Молекулярное кафе». Так на свет появился рассказ «Холодильник времени», где старый советский холодильник вдруг превратился в своеобразный телепорт между прошлым и настоящим. Интересно, что могли подумать люди в конце 60-х годов прошлого века, увидев продукты без цены на упаковке, но зато с надписями на нескольких языках? Совершенно неожиданно для меня «Холодильник времени» получил на конкурсе второе место и даже был опубликован в журнале «Искатель».

Рассказов было за это время немного. В этот небольшой сборник попало ещё меньше. К «Девяти кошачьим жизням» и «Трое из восемнадцати» я отношусь довольно прохладно. Первый придумался во время огненно-жаркого лета 2010 года, а начало второго просто пришло.

Из любимых лично мною в сборнике последний, на данный момент, рассказ «В твоём сне должно быть что-то ещё», давший название и всей книге. Рассказ основан, можно сказать, на реальных событиях – девушка, ищущая что-то в водорослях зимой на морском берегу, парень подошедший к ней, из-за чего девушка решила прекратить поиски и уйти – всё это было. Оставалось только придумать историю, описать характер почти реальной главной героини и сложить всё это в слова и предложения. Рассказ хвалили. Он прошёл через очень серьёзный отбор конкурса «Русский Гофман» в этом году, попал в шорт-лист и, в итоге, занял второе место. Кстати, в самой первой версии у рассказа немного другой финал. Но всё-таки у сказки должен быть *happy end*.

То ли короткая повесть, то ли длинный рассказ «Можете сегодня не бояться» стал результатом какого-то безумного предположения из серии «а что, если». Если все дети царя Алексея Михайловича остались живы, а не умерли во младенчестве и Пётр является четырнадцатым ребёнком в семье и не имеет никаких шансов на престол? Если Римская Империя не распалась, а существовала ещё полторы тысячи лет? Если столица России находится в Городце, а по Нижнему Новгороду бегают вервольфы-оборотни? Цепочка невероятных «если» привела к появлению такого странно-загадочного текста – со сверхъестественными существами, револьверами, парходами и арбалетами с серебряными стрелами.

Завершает сборник короткое эссе к 120-летию Владимира Набокова «Спираль перспективы памяти» (это фраза из набоковской «Лолиты»), поклонником которого я являюсь. Просто мысли, воспоминания из детства и впечатления.

Рассказы расположены не в хронологическом порядке, а так, как почему-то захотелось автору и составителю.

В ТВОЁМ СНЕ ДОЛЖНО БЫТЬ ЧТО-ТО ЕЩЁ

*Посвящается А. В.,
решившей, что счастливый финал
в этой истории необходим*

Доверие к снам с четверга на пятницу появилось у Алекс несколько недель назад. После нескольких таких сбывшихся пятниччетвергов она старательно пыталась запоминать, что же ей снилось. В четверг вечером она ложилась спать с твёрдым намерением запомнить каждую мелочь, а для надёжности рядом на тумбочку клала толстую тетрадь и ручку. На тот случай, если ночью проснётся, чтобы лишить память малейшей возможности что-то забыть. Поэтому в наступившее утро Алекс твёрдо знала, что в институт сегодня точно не пойдёт. Ни под каким видом. Алекс уже представляла, что будет делать этим хмурым зимним днём. А институт... Придумает что-нибудь потом.

На вокзале она ненадолго задумалась и решила ехать электричкой. Пусть это и чуть подольше, но всё-таки электричка – она более романтичная, чем все эти набитые автобусы, и простора там несравнимо больше. В полупустом вагоне Алекс выбрала место по ходу поезда, твёрдо намереваясь всю дорогу смотреть в окно. Для верности, чтобы никто не отвлекал, подключила к телефону наушники.

Поезд шёл медленно, да Алекс никуда и не торопилась. Времени у неё, судя по сонным воспоминаниям, было вполне достаточно. По дороге она несколько раз пожалела, что не удосужилась закачать в телефон никакой музыки. Любимая радиостанция периодически пропадала по ходу движения поезда, а остававшиеся в эфире или передавали совсем уж тоскливую басковщину, или несли какую-то непроходимую пропагандистскую чушь. Уже подъезжая, Алекс вдруг вспомнила, что два дня назад залила всё-таки в телефон альбом какой-то новой группы со странным названием «Обними Кита». Искать его смысла уже не было, но можно оставить на обратный путь. Всё равно свою главную функцию наушники выполняли – они придавали Алекс независимо-неприступный вид серьёзной девушки, не желающей ни с кем знакомиться. И даже разговаривать.

После тёплого вагона на перроне показалось немного прохладно. Сначала Алекс подумала, что это ненадолго. По дороге к морю всё-таки поняла, что ошиблась в выборе одежды. Это в городе тепло, сыро и бесснежно, здесь же у моря зима чувствовалась сильнее, а влажный воздух как будто кристаллизовался вокруг. Она подняла воротник тонкого короткого пальто, пожалела, что не взяла шапку. Ну, не любила она головные уборы. Правда, сейчас подумала, что на этот раз стоило и преодолеть нелюбовь. Зато можно порадоваться, что свитера на ней целых два. И оба тёплые, да ещё и с горнолыжным термобельём в придачу. Не романтично, зато тепло. Но пальтишко всё равно тоненькое и даже без капюшона.

К нужному месту на берегу она подошла через десять минут. Окружающая картинка полностью совпадала с увиденным во сне с четверга на пятницу. Парк с высокими вековыми и трёхвековыми деревьями, доставшийся по наследству от немецкого янтарепромышленника, широкая деревянная лестница, ведущая к широкому песчаному пляжу. Алекс бывала здесь много раз и любила это место. Особенно сто метров между откосом и кромкой воды, тянущиеся на много километров вдоль капризного и непостоянного, как и она, балтийского побережья.

Сегодня пляж непривычно не песчаный. Как и во сне, берег накануне ночью обильно и нелимитированно скрылся под снегом. Песок проглядывал только у самой воды, где пресный снег лениво смывали солёные морские волны. Алекс остановилась на самом верху лестницы и внимательно осмотрелась. Нужно увидеть и понять, куда идти. «Чудесно! – подумала

она, заметив вдали справа чёрную полосу, разделявшую кромку снега от моря. – Туда-то мне и нужно».

Идти туда, куда нужно Алекс решила прямо по берегу. Деревянный променад каждую зиму морские ветры заносили песком. Когда променад строили, он гордо возвышался над пляжем метра на полтора. Но кто-то что-то неправильно посчитал и каждую зиму после очередного шторма променад становился то ли каналом, то ли туннелем между песчаных дюн, нависавших справа и слева. Прочищал этот канал-туннель маленький трактор с ковшом. Подруга Лика называла его – детёныш экскаватора, пренебрегая официально-полунаучным словом *bobcat*.

Уже спустившись вниз, Алекс подошла к краю променада и мысленно нарисовала прямую до контрастно чёрной кромки, выброшенных на берег водорослей. Она пошла по этому кратчайшему пути между двумя точками. Иногда останавливалась, оглядывалась на свои маленькие следы и делала несколько шагов спиной вперёд. Идти так было смешно и неудобно, Алекс опять поворачивалась лицом к морю и продолжала путь к намеченной чёрной полосе. Она точно знала, что искать нужно именно там. И не в самом начале водорослей, а метров через двадцать.

Примерно через минуту, ну, может быть, чуть-чуть подольше, Алекс подошла к кромке воды и шла дальше, уже вдоль накатывающихся волн и чёрных переплетающихся волокон. Когда поняла, где именно нужно остановиться, Алекс внимательно оглянулась. Всё правильно – под углом тридцать градусов от неё кабинка для переодевания, сиротливо полузанесённая песком и снегом и ждущая своего летнего часа, четыре лебедя, плавающие в тёплой лагуне, образовавшейся после шторма, шагах в двадцати пяти, стайка чаек, скучая, стоит на песке у самого морского берега напротив лебедей. Всё правильно. Вот только...

Только какой-то человек далеко-далеко. Он идёт по берегу. Медленно. Его во сне не было. Да ладно, пусть идёт. Всё увиденное во сне не может полностью совпадать с наступившим наяву.

Но теперь, из-за приближающегося человека, Алекс решила поторопиться. Она сделала шаг к воде, сняла перчатки и присела перед чёрными мёртвыми водорослями. Немного волнуясь, раздвинула мокрые холодные волокна. Жёлтое пятно янтаря она заметила почти сразу. Дальше всё было как во сне. Во всех смыслах. Почему-то Алекс даже подумала, что это всё и правда ей снится. Слишком, уж слишком, всё совпадало. Она раздвигала водоросли, находила крупные куски янтаря и складывала их почему-то в правый карман пальто, а не в рюкзак, сброшенный с плеча в снег. Затем торопливо отряхивала руки от песка и остатков водорослей и повторяла всё снова и снова, и снова. Вот только человек, шедший вдоль берега, подходил всё ближе и ближе.

Алекс продолжала собирать жёлтые, оранжевые, красные, коричневые куски янтаря. Однажды ей даже попался совсем редкий зелёный. Краем глаза она заметила, что человек подошёл совсем близко. На нём была красная куртка и серая вязаная шапка с жёлтым орнаментом. Разглядывать его было неудобно. Не из каких-то мифическо-этических соображений, а просто неудобно косить глаза куда-то в сторону, да ещё и вверх, одновременно собирая янтарь. Но всё-таки Алекс смогла прикинуть, что подошедшему лет двадцать пять. Примерно.

Она до последнего надеялась, что он пройдёт мимо, не будет приставать к одинокой девушке, копающейся в умерших морских растениях, а просто отправится своей дорогой дальше. Но человек дальше не пошёл. Он остановился. Алекс почувствовала, что человек в красной куртке смотрит на неё. Оставалось только прекратить искать янтарь, сложить замёрзшие руки, молча смотреть вдаль и ждать, что же будет. Через несколько секунд человек подошёл совсем близко, она чётко слышала сквозь шум волн сначала скрип снега, а потом песка. Алекс не поворачивалась. Человек присел рядом с ней, снял красно-серые спортивные перчатки и опустил руки в водоросли. Он ничего не говорил.

Вот эти его действия Алекс совершенно не понравились. Пришлось гордо и медленно подняться, также независимо и медленно уйти с берега вдоль своих же следов по прямой линии к лестнице променада. Потом она ещё долго жалела, что не оглянулась, чтобы посмотреть, а не смотрит ли он ей вслед. Так, не оглядываясь, она прошла до лестницы, поднялась наверх и на самой верхней площадке лестницы повернулась. Взглянуть на море. Как будто на море. Конечно, она посмотрела и на полосу водорослей. Там никого не было.

Только теперь она вдруг почувствовала, как замёрзла. С главной аллеи парка Алекс не свернула на дорожку, ведущую в сторону вокзала. Она уверенно прошла прямо к бело-стеклянному зданию отеля мимо стеклянного колпака спацентровского бассейна.

В кафе на первом этаже было ожидаемо расслабляюще тепло. Алекс сбросила пальто, показавшееся особенно холодным в тёплом кафе. Перед тем как бережно положить его на соседний стул, она прикинула, что вес пальто за счёт содержимого карманов увеличился граммов на триста.

– Латте принесите, пожалуйста, – сказала Алекс подошедшему официанту. Затем немного подумала – замёрзла она всё-таки сильно – и уверенно добавила, – и ещё «егермайстера».

Латте был горячим, вкусным и привычно несладким, а ещё стакан приятно согрел замёрзшие, немного порозовевшие, руки. Рюмка ликёра, выпитая почти одним глотком перед кофе, моментально согрела изнутри. Алекс расслабленно откинулась на мягком стуле, смотрела на заснеженный парк, узкую полоску моря, проглядывающую через деревья, и стайку синиц, торопливо, но сосредоточенно, клевавших ягоды рябины перед окном. Почему-то очень захотелось спать, но ещё сильнее – взять пальто и ещё раз посмотреть, что же она нашла. Разложить всё на столе и отправить в инстаграм.

Телефон зазвонил, когда Алекс уже достала его из кармана и держала в руках, чтобы для начала просто снять вид из кафе на парк.

– И чего это тебя сегодня в институте не было? – не здороваясь, заговорила Лика. – Сессия через десять дней. Совсем расслабилась, подруга? Ты где вообще?

– На море, – Алекс продолжала смотреть на парк, а в другой руке держала горсть янтарный камень.

– Офигела, что ли? В такую-то погоду.

– Ну-у... Надо было, – загадочно продолжила Алекс.

– Подожди, ты не одна, что ли? – в голосе Лики слышалось уже нескрываемое любопытство. – Ты с кем? – она почему-то перешла на шёпот.

– Да, одна я, одна, – ответила Алекс. – В общем, мне сегодня приснилось, что приехала на море, увидела полосу из водорослей на берегу и нашла там много-много янтаря.

– И что? Нашла? – Лика говорила также шёпотом, но интонация в её голосе стала какая-то другая. Алекс даже показалось на мгновение, что она что-то знала.

– Нашла, конечно, – гордо сказала Алекс. Она почувствовала изменение в голосе подруги, но предпочла его не замечать. – Думаю, грамм триста-четыреста. И все очень крупные.

– Там ещё кто-нибудь был? – спросила Лика.

– Нет, никого. Совершенно пустой берег весь в снегу. Непривычно немного. Только потом подошёл какой-то парень в красной куртке. Его в моём сне не было.

– И что ты?

– Ничего. Встала и ушла.

Лика молчала.

– Эй, ты где? – спросила Алекс.

– Знаешь, – каким-то совсем уж странным голосом продолжила Лика. – Или ты меня разыгрываешь, или в твоём сне должно быть что-то ещё. Я знаю эту легенду.

– Подожди...

Алекс смотрела в окно, потом закрыла глаза и стала ещё раз детально восстанавливать увиденное во сне. Аллея парка, море, заснеженный берег, полоса чёрных водорослей, выброшенных штормом, она идёт к ним, четыре лебедя, чайки, кабинка для переодевания, жёлтый янтарь в чёрных водорослях... серо-красная спортивная перчатка.

– Я видела перчатку, – сказала она. – Это перчатка того парня. Что за легенда?

– Чёрт... – ответила Лика. – Или ты меня разыгрываешь, или... В общем, есть такая легенда о каком-то заколдованном (не смейся) то ли принце, то ли ещё ком-то. Раз в год зимой он может превратиться в человека. Для этого он прячет янтарь на берегу в водорослях. Потом он как-то проникает в сон девушки. Она должна запомнить сон, приехать к нужному месту и найти этот янтарь. После этого он подходит к ней. Если она с ним заговорит, то они потом познакомятся и проживут в счастье, любви, согласии и богатстве всю свою сознательную жизнь. Раньше он всё ходил в красном плаще. Сейчас, Сандра, видимо, времена изменились.

Алекс терпеть не могла, когда её называли Сандрой, и подруга об этом прекрасно знала. Поэтому она позволила себе маленькую месть и назвала её полным именем.

– Знаешь, Анжелика, через четыре месяца мне исполнится двадцать один год, у меня пломба в четвёрке справа и через три месяца заканчивается шенгенская виза. Глупости какие-то ты рассказываешь, – Алекс раскрыла рюкзак, нервно сбросила в его недра весь янтарь, картинно-аккуратно разложенный на столе, и махнула рукой, подзывая официанта. – И что будет с ним дальше? В этой твоей сказке.

– Превратится, – деланно-равнодушно ответила Лика. – Легенда умалчивает в кого. Вроде бы каждый раз в разного зверя, птицу, рыбу.

Алекс продолжала слушать и смотреть в окно. Подошёл официант, она поднесла карточку к терминалу, оплачивая счёт. Синицы за окном внезапно сорвались и испуганно улетели.

– Через год, – продолжила Лика, – он опять станет человеком на один день. Придёт во сне к другой девушке и спрячет янтарь в другое место.

– Он бессмертный, что ли?

– Нет. Проклятие передаётся по мужской линии старшему сыну. Слушай, Алекс, ты что, правда во всё это веришь?

– Конечно, нет, – Алекс надевала, нагретое в тёплом кафе, пальто. Громкий стук в окно заставил её обернуться. – Или всё-таки да, – тихо произнесла она.

С другой стороны стекла сидел большой чёрный ворон с крупным куском янтаря в клюве. Ворон бережно положил тёмно-жёлтый камень, с застывшим в нём миллионы лет назад мохнатым чёрным паучком, на заснеженный подоконник и постучал по стеклу правой лапой необычной серо-красной расцветки, приглашая девушку выйти и забрать оставленный инклюз. Потом он склонил голову набок, иронично взглянул на Алекс, аккуратно засыпал янтарь снегом, чтобы не смог найти кто-нибудь другой, и взмахнул крыльями. Сделав круг, ворон исчез среди чёрных ветвей трёхвековых деревьев парка.

Несколько долгих секунд Алекс смотрела ему вслед, пытаясь понять, куда же исчезла эта странная птица. Потом бросила рюкзак на стул, не застёгивая пальто выбежала на улицу. По ту сторону стекла на подоконнике остался небольшой холмик снега и несколько птичьих следов. Раскидав снег, она достала камень с мохнатым паучком и посмотрела сквозь него на выглянувшее над деревьями солнце.

– Чёрт... Чёрт, чёрт, чёрт, – несколько раз повторила Алекс. – Крикнул ворон Nevermore, – затем добавила она и медленно побрела по жёлто-красной брусчатке назад к входу кафе.

Брошенный телефон лежал на столе.

– Эй, Алекс, ты где? – услышала она встревоженный голос Лики. Алекс взяла в руку трубку, посмотрела на дисплей, с надписью «Лика – лучшая подруга».

– Ничего, Лика, всё в порядке. Я тебе перезвоню.

Она облокотилась на стол и обхватила голову руками.

– Девушка, у вас всё нормально? – подошедшая официантка испуганно смотрела на неё. – Вот, вам просили передать.

«Какого чёрта», – подумала Алекс.

– Ничего, всё хорошо. Что это? – она удивлённо смотрела на белый конверт с широкой красной полосой.

– Не знаю, – ответила официантка. – Возьмите, пожалуйста.

Конверт был самый обычный. Только ничего на нём написано не было.

– Вы уверены, что это мне? – крикнула Алекс вслед, уже уходящей официантке.

– Да, – обернувшись сказала она. – Когда вы выходили на улицу, передававший показал на вас. Вас было видно в окно. Вы что-то искали там... на подоконнике.

Алекс взяла нож. Вскрыла конверт. Внутри лежал обычный лист офисной бумаги, свёрнутый втрое. Единственное, что на нём было написано – номер телефона и одно слово «звоните». Алекс удивлённо смотрела на лист бумаги, словно пытаясь выучить наизусть, написанные на нём десять цифр. Заметила, что нервно барабанит по столу ногтями, выкрашенными накануне в новый цвет *tuiguet*, что в переводе с французского, как она выяснила перед покупкой, означает просто *ландыши*.

– А скажи мне, лучшая подруга Лика, – сказала Алекс, услышав взволнованное «Алло!» после первого же гудка. – У него только одна попытка? Или?...

– Точно не помню... Кажется, попытки не лимитируются. Главное, чтобы она с ним заговорила до захода солнца. Ты мне скажешь, в конце концов, что там у тебя происходит? Алекс?

– Ничего, всё нормально. Потом я тебе расскажу. Дни в январе короткие.

Откинувшись на спинку стула, она быстро набрала десять цифр телефонного номера. После нескольких секунд тишины, показавшихся банальной вечностью, она услышала ожидаемое «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте перезвонить позднее».

Алекс положила телефон во внутренний карман пальто, перебрала через плечо рюкзак с янтарём и пошла к выходу.

– До свиданья, приходите ещё, – сказала официантка, приносящая ей конверт.

– До свиданья, – ответила Алекс. Затем, уже взявшись за ручку двери, обернулась и спросила.

Солнце садилось. Перрон, заполнявшийся пассажирами перед приходом электрички, превратился в закатно-бордовый. Абонент в сети не появился. Подошёл поезд Алекс вошла во второй вагон и села в середину. Она надела наушники и включила группу «Обними Кита», неожиданно обнаруженную в телефоне утром. *«Все поезда земли*

раскроют свои двери и впустят тебя в объятия мои», – словно издеваясь, пела солистка.

Алекс с деланно-скучающим видом рассматривала пассажиров вагона. Казалось даже, что заметила два-три знакомых лица. Остальных она раньше не видела, а может и видела, но не запомнила. Никого в вагоне в красной куртке не было.

На этот раз поезд шёл без остановок и пришёл в город быстро. Но всё равно солнце уже село. Тёмный январский вечер разбавлялся искусственным светом и постновогодней иллюминацией на площади. Человека в красной куртке она заметила метрах в десяти перед собой почти одновременно с вибрирующей эсэмэской, радостно сообщавшей, о долгожданном появлении абонента в сети.

Алекс нажала контакт, уже обозначенный в кафе как «ворон». Она видела, что человек в красной куртке достал телефон и повернулся.

– Так я и думала, – что это ты, – сказала она в трубку. – Но почему на тебе в вагоне была чёрная куртка? Должна быть красная.

– Ты плохо знаешь легенды, Алекс, – он говорил и шёл навстречу к ней, не двигавшейся с места. – Плащ с одной стороны красный, с другой чёрный. Как и эта куртка. Привет.

– Интересное кино, телефон убери уже, – Алекс строго смотрела на него снизу-вверх. – Перед тем, как уйти из кафе, я задала официантке один простой вопрос. Она ответила, что в сегодняшней смене не было мальчиков. А ты теперь превратишься в ворона? И этим всё закончится?

– Знаешь, когда я подошёл к тебе на берегу, понял, что мне не хочется ни в кого превращаться. Надоело, – ответил он. – Ты ведь заговорила со мной днём, когда заказывала латте. Маленькая хитрость. Это был почти беспроегрышный ход.

– Почему почти?

– Ты могла молча показать в меню.

– Глупости какие-то, – ответила Алекс.

2019 г.

ХОЛОДИЛЬНИК ВРЕМЕНИ

Холодильник мне достался в наследство от бабушки. Он стоял на кухне, как памятник шика середины прошлого века. Большой, белый с никелированной ручкой и надписью «ЗИЛ. Москва». На ручке даже был замок, то есть холодильник можно было закрывать на ключ. Никто никогда этого ключа не видел, подозреваю, что бабушка его куда-то спрятала в день покупки и сразу забыла куда. В принципе, ключ был и не нужен – скорее всего, эта система придумывалась советскими инженерами для жителей коммуналок, которыми изобиловала страна в годы рождения нашего холодильника.

Хоть холодильник и достался в наследство, бабушка была жива и здорова. Просто ей надоела городская суэта, и она уехала в свой маленький деревенский домик, где присутствовали все городские удобства, и на маленькой деревенской кухоньке стоял внушительных размеров двухкамерный монстр то ли корейского, то ли итальянского производства. Квартиру она оставила мне и даже оформила дарственную. При оформлении бумаг сказала:

– И даже не думай продавать! В самой квартире меняй что хочешь – мебель, полы, потолки. Можешь даже вместо ванны душевую кабину водрузить. Но квартиру не продавай.

Продавать её я и не собирался. Зачем? «Трёшка» в самом центре города с великолепным видом из всех окон. Ремонт, конечно, сделать пришлось громадный, но когда дошла очередь до замены кухни, то что-то дрогнуло, и я решил оставить холодильник. Бабуля, когда приезжала в город и обязательно «забегала» в гости, каждый раз удивлялась и всё время спрашивала:

– Игорёк, когда ты выбросишь эту рухлядь? Я ведь тебе говорила, не продавай квартиру, а про холодильник ни словом не упоминала. Хотя я помню, как твой дед его купил. Мы с твоим отцом вернулись из отпуска, кажется в 65-м, а на кухне стояло это белое чудо. Я была счастлива до невозможности – ведь тогда нельзя было купить такую вещь. Её можно было только достать. Слушай, но ведь он же такой неудобный. В нём такая маленькая морозилка.

– Бабуля, – отвечал я, – ну, что мне там замораживать? Разве что пельмени и готовый картофель фри.

Бабушка задумчиво кивала, понимая, что мороженым мясом я не увлекаюсь.

Холодильник стоял на кухне среди вытяжек, кофеварок, тостеров и различных шкафчиков, и тумбочек/ Может, ему там было неуютно, и он чувствовал себя каким-то анахронизмом, а может, наоборот – нравилось. Мне этого никогда не узнать, как, впрочем, и никому. Холодильники не умеют разговаривать и, скорее всего, они не умеют и чувствовать (при современном написании текста здесь следовало бы поставить двоеточие, тире и закрывающую скобку, чтобы каждый понял некоторую несерьёзность последнего предложения).

Солнечным весенним утром я выполз на кухню, открыл холодильник под брендом «ЗИЛ. Москва», достал бутылку минералки и привычно сделал несколько глотков. Холодильник никак не отреагировал. Было бы странно, если бы у него появилась какая-то реакция. Затем я поставил кофемашину на разогрев и отправился в душ. Минут через пятнадцать я вернулся на свою привычную кухню, на которой ничего, совершенно ничего не изменилось. Разве что на панели кофемашины загорелся зелёным цветом диод, что говорило о том, что аппарат готов к приготовлению порции кофе.

И вот я уже привычно хочу выпить первую чашку необычайно ароматного крепкого эспрессо. В этот момент на кухне раздаётся стук. Нет, это не был стук за стеной, это не был шум на улице. Источник стука располагался именно на кухне. Он находился в холодильнике. Как будто кто-то стучал в дверь, когда извещает о своём приходе. Именно так – тук-тук-тук. Сначала тихо и неуверенно. Затем стук раздался ещё раз и немного понастойчивее. Вероятно, на тот случай, если я не услышал.

Такое действие со стороны холодильника мне, конечно, показалось весьма неожиданным. Можно даже сказать, что на какое-то время, впрочем, весьма непродолжительное, я даже слегка испугался. Ну, представьте каждый себя на моём месте. Вот именно – не смешно. Вскоре я справедливо рассудил, что стук этот – обычный технический глюк. Скоро наш холодильник прикажет жить долго и счастливо, и его можно будет использовать разве что в качестве тумбочки. Вздохнув, я взялся за никелированную ручку, открыл дверцу и сразу же закрыл...

Увиденное мною за закрытой теперь уже дверцей не соответствовало никакому здравому смыслу. Верить своим глазам в данном случае было нельзя. Оставалось только вздохнуть, причём вздохнуть как можно более глубоко и открыть холодильник ещё раз...

Ничего не изменилось. Всё в холодильнике оставалось таким же, как шестьдесят секунд назад. Но его содержимое совершенно не соответствовало тому, что было за тридцать минут до этого: в дверце стояла бутылка водки с надписью «Экстра» и две бутылки вина, на этикетках которых было написано «Гратиешти» и «Грузинское вино №19». В глубине его лежали два пирамидальных пакета с молоком, какие-то продукты, завёрнутые в бумагу, консервы. Но самое главное – на одной из полок стояла большая банка, на которой было написано «Caviar. Produce of Soviet Union. Astrakhan».

По чему принято оценивать принадлежность к эпохе? По упаковке, техническим новинкам, моде и многим другим приметам времени. В том числе и по водке. Бутылка имела странную для современности форму и ещё более странную крышку с хвостиком, напоминающую матросскую бескозырку. На этикетке, кроме всего прочего, стояла надпись – «Цена 4 руб. 00 коп. без стоимости посуды». Осмотрев более внимательно бутылку, а затем и банку с чёрной икрой я пришёл к выводу, что и то, и другое сделано более сорока лет назад в 1967 году. В том году, когда «всё прогрессивное человечество» отмечало пятидесятилетие революции 17-го года, а мой папа пошёл в первый класс, где и был торжественно принят в октябрята, о чём свидетельствовала красная пятиконечная звезда с портретом маленького кучерявого мальчика.

- Ленка, приходи ко мне, – сказал я своей подруге, когда она наконец-то взяла трубку.
- Игорёк, чего тебе стрельнуло звонить в субботу в такую ранищу.
- Приходи-приходи не пожалеешь.

Идти ей было недалеко. Метров двести. Но прежде ещё нужно было встать, умыться, собраться... В общем, время у меня ещё было. Я решил провести эксперимент и отправился в магазин через дорогу. В магазине я купил дорогих продуктов, начиная от виски двенадцатилетней выдержки и «Чинзано», а также и всякой мелочёвки попроще – йогуртов, консервированных и свежих ананасов, бананы и прочую обыденную ерунду, включая мороженое. Чёрной икры в магазине не было. Её не было там уже много лет по причине отсутствия осетров в Волге, а потом, когда они стали появляться, запрета на их ловлю. Сам по себе запрет был вполне оправдан – в своё время наши сограждане так старались в истреблении этой рыбы, что теперь потомкам приходится молча и понимающе обходиться без икры и осетрины. А если бы этот продукт и появился сейчас в нашем гипермаркете, то стоила бы килограммовая банка икры тысяч сто не меньше.

У подъезда я встретил Ленку. Она скептически посмотрела на мой груз и сказала:

- У тебя что сегодня праздник? День рождения, вроде бы, отмечали два месяца назад.
- Пойдём, дорогая, сейчас ты всё увидишь.
- Что ты будешь, – спросил я уже на кухне. – «Гратиешти» или «Грузинское вино №19». –

Я достал вино из холодильника. – А теперь главный номер нашей программы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.